

ПРОЗА

Иван Привалов

Прозаик, очеркист, поэт. Родился 10 марта 1968 года. Подполковник милиции в отставке. Публиковался в журнале «Берега», в газете «День Литературы», в газете МВД России «Щит и меч», на сайте «Российский писатель», в альманахе «Крылья» (ЛНР). Автор сборника очерков и рассказов «Самый западный день» (2018). Член Союза писателей ЛНР и Союза писателей России. Живёт в г. Балтийске Калининградской области.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

День рождения.

Какой он?

Тёмный или светлый?

Холодный или жаркий?

Куда летит первый крик новой жизни?

Каких высот достигает, от каких стен отталкивается?

За что цепляются эти сильные беспомощные ручонки?

Кто им помогает в их первых движениях света?

Мама!

Мамо...

Она тут. Она здесь. Она всегда.

Помогает и направляет грудью налитой молоком. Тёплым. Горячим. Брызгающим от прикосновения жарких голодных губ. Закуси беззубого рта.

День рождения, который не вспомнить. Лишь узнать от матери и догадаться от жизни.

День рождения на свет.

Какой ты?

Что несешь по жизни?

Что привнесёшь в жизнь?

Сказку или быль?

Боль или радость?

Печаль или праздник?

С праздниками-то все нормально.

Сначала каждый день. Потом каждый месяц. Потом год. Два. Три. Пять. Юбилей.

Сначала и до конца. От непонимания до подарков. От праздников до безудержного веселья. От веселья и друзей, до грусти непонимания. От середины до конца понимания, что после первой пройденной половины пути вторую-то можно и не успеть.

А идти приходится. С нарастающим скрипом в груди и тяжестью в ногах. Но идти.

От рассвета к рассвету шаркающим лыжником к вершине конца.

К своему солнцу.

К свету, о котором говорят все. Говорят, но не знают, есть ли он на самом деле или нет. Будет или нет? Кто вернулся и рассказал? Кто прикоснулся и напился? Где они?

Но идти надо.

А куда денешься.

Со слов Мамы.

Первый день.

Первый крик в Белорусских Струках.

В хате, занесенной и погребенной в снегу. По трубу.

Папой, приведшим молоденькую врачиху-фельдшерицу.

Папой, пробивающим трактором дорогу для машины скорой помощи.

Пробивающего дорогу уже ко мне. Кричащему. Домашнему.

Первый день рождения в десять лет.

Прилетел и ворвался маленьким деревянным кукурузником. Пахнущий свежеструганным деревом, краской и папиными руками. Широко раскрытыми глазами радости мечты и детства.

Тринадцать.

Длинный деревянный двухэтажный дом, заброшенный снегом среди лесов Архангельской губернии. Дом тети Оли.

Сквозь метель и мороз накрытый стол. Украшенный иностранными напитками приехавшим из-за границы братом.

Черным лицом женщины-бутылки, спрятавшей внутри себя необыкновенный сказочный манговый ликер. Шоколадными конфетами «Кара-Кум», с верблюдом и исчезающим хрустом шоколада во рту. Мороженым. Белым, волшебным холодом.

Восемнадцать.

Среди буйства украинской весны. У просыпающихся виноградников и длинных свечек тополей Червономаяцкой бурсы.

В кричащем тишиной белокаменном общежитии, среди трех, заплесневевших и зазеленевших, загодя купленных тортов. Оставшихся строчкой стихов в затрепанной тетрадке: «Без тортов и сожаленья пролетел мой день рожденья».

Друзьями Валеркой и Юркой, приехавшими поздно вечером.

Они так и шли.

Желанные и так себе.

Быстрые и долгие.

Веселые и грустные.

С ожиданием и раздражением.

Со временем, разгоняемым и подгоняемым юностью.

С резиновым временем, перекинутым через полтинник.

Или двадцать пять? Когда год за два. Или за три...

А никто и не заметил, как закончилась моя жизнь.

В двадцать семь лет.

Закончилась жизнь мечтателя.

Разбилась о выстрел снайпера, автоматные очереди, разрывы гранат, разбитые и обгоревшие дома, кровь и боль, розовые очки.

Из дыма, гари, грязи, летящих пуль, блестящего синевой искрящегося лезвия ножа родилась новая жизнь. Шелухой быта и змеиной кожей кинутой и забытой, втопанной в грязь войны.

Светом утра день рождения, подаренный Богом.

Счастьем вновь обретенного дня. Где каждый первый луч солнца – день рождения.

СИРЕНЬ

В школу идти не хотелось.

А ступеньки винтовой, потемневшей от времени, лестницы пищали и раздражали старческим скрипучим непонятным языком. Гнали на улицу. За такую же старую, резную дверь.

И кто это придумал, не как у всех квадратное, а круглое стекло? В двери. Словно легло оно на линию из двадцать одной бусинки и продавило её. А сверху, пять неведомых цветков и четыре трёхлистных стебелька, праздничным венком сплетенные вокруг.

Красота!

А в стекле, словно круглом зеркале: отражение красных черепичных крыш Кёнигсберга. Миражом прошлой жизни. Но это с улицы. А из дома оно светится совсем по-другому: то черной пугающей пустотой, то солнцем ярким, то манящей желтой луной, а то и круговоротом звездного неба.

Сегодня за этим стеклом было еще темно и холодно. И что-то белое, что-то гудящее, что-то махающее, пугающее вздрагивающее черными нитями проблесков утра.

А идти надо! Там, за этой дверью – школа и знания!

Старушка-дверь пропищала приветствие, вздрагивая и нехотя, со скрипом, пустила стремительный холод улицы в лицо, и обреченно захлопнулась за спиной мальчика. Холод схватил со всех сторон и сжал.

А прямо в глаза, по куртке, сверху и кажется со всех сторон – ветки! Бьют, пугают, пытаются поцарапать...

И шаг назад, невольно, к теплой постели дома. К двери, к окну-солнцу. Под защиту тепла. К маме!

А это сирень. Древняя. Разрослась.

– Ничего! Вот вернусь со школы, я тебе ветки пообломаю! Будешь знать, как меня пугать!

И с мыслью о скором уничтожении своих утренних страхов Вадим помчался в школу. Сквозь ветер и холод. К знаниям.

А сирень действительно росла не как у людей. Ну, не совсем перед красивой резной дверью немецкого особняка, доставшегося как трофей в далёком сорок пятом, нынешним владельцам, ну, чуть сбоку. Временами разрастаясь до необъятных размеров, занимая всё пространство между входом и старым кованым забором...

Тогда, в далёком Кёнигсберге, когда в воздухе еще висела гарь штурма, когда на улицах города еще лежала смерть и хаос, цвела сирень. Как торжество победы, как реквием побеждённым. Как грозди салюта, как траур по прошлому. Ярко. Черно-красным цветом. Забывая, поглощая, уничтожая запахи войны. Сирень.

Но много. И в ход пошел топор. Со вкусом вонзаясь в толстые побеги. Брызгая соком, щепой, листьями. Огромные ветки, вздрагивая в последний раз, летели через замысловатые вензеля чугуна в грязь брусчатой дороги. Грозди цвета, всплкнув в последний раз утренней росой, выбросив уже убитый аромат красоты, безжалостно чвакали болотом под колесами машин.

Остался последний куст. Прямо у двери. Прямо у ступенек. Этот-то был и поболее других. И победитель, поднырнув под цветущие ветви, приподнял их спиной, выбрал самый толстый, узловатый стебель, прикинул, выбрал место куда вонзить неумолимое звенящее лезвие и ударил. Не получилось. Видно зацепился за ветку. Но обернувшись на топор, онемел от удивления. Открыл рот в застывшем гневе – топор перехватила женщина. Немка! Невысокая, с заплаканными глазами, в несвежей одежде, она что-то говорила. Быстро-быстро. Плакала. Прижимала к груди руки. Показывала на дом, на сирень. А когда увидела его непонимающие глаза, стала на колени. Между победителем и сиренью. Мокрыми глазами и прижатыми к груди руками. А когда увидела в глазах рубящего презрение и смех, встала, вырвала из его рук топор, бросила его через забор на улицу и стала кричать на немецком, показывая на оставшуюся, еще не срубленную сирень, на лежащие останки на дороге, на сочащиеся весной свежие пеньки, на дом... Что-то про мать, что-то про отца, про детей...

Прогнал.

И она ушла. Куда-то в руины. Плача и ругаясь. Оглядываясь и спотыкаясь. Поднял топор. Поднырнул под ветки... И пошел в дом.

Сирень. Так и осталась. С сорок пятого. А может и раньше...

А Вадим весь день представлял себе, как он расправится с постоянно пугающим его деревом, как отрежет эти вечно хватающие, цепляющие его ветки. И эти мысли радовали,

наполняя нетерпением и каким-то непонятным огнём, жгущим его изнутри.

Забросив портфель за дверь, вытащив из-под лестницы полуржавую ножовку, с горящими глазами подлез под сирень.

– А ну, стой!

Дед увидел! Сейчас достанется за ножовку! Что без спроса взял. Папке с мамкой расскажет... Выпорят! За то, что без них.

– Ты что это решил сделать?!

– Дедушка! Вот хотел спилить! Ну что она всем мешает?! Ну, ведь мешает же!

– Мешает... Конечно мешает... Иди сюда, Вадь! Расскажу тебе одну историю... А потом сам решай...

После рассказа ножовка вернулась на место, а Вадим в свою комнату, над сиренью...

Время летит быстро. Кто-то ушел, кто-то уехал. Из дома осталась только резная дверь с тускнеющими до черноты цветами, фруктами и ягодами, с тем же разным иллюминатором-окном, зовущим то луной, то солнцем. Лестница уже и не пыталась поговорить, а только вздыхала сломанными и уставшими ступенями.

Вот и уезжавший Вадим вернулся.

Настало время ремонта. Новой жизни старого дома.

Рабочие, машины, инструменты, строительные материалы...

А тут эта сирень. Мешает...

И проектировщик – дизайнер...

– Крышу накроем металлической черепицей, на окна стеклопакеты поставим, дверь... можем железную поставить, надежную. Этот куст уберем, дорожку из гранита положим. И будет всё красиво...

Задумчиво. С мыслями в прошлом:

– Вы знаете... Окна поменяем... Вот только дверь трогать не будем... Пусть стоит... На крыше оставим черепицу – она еще лет сто прослужит – немецкая, а ваше железо, максимум лет на десять... А дорожку делать не будем, пусть растет...

– Кто!?

– Кто, кто! Сирень!

А когда все ушли, Вадим подошел к сирени, обнял сколько мог, и роняя слезы на прижатые к груди листья:

– Ты меня встречала и провожала всю жизнь. А я...

– Никому тебя не отдам...